

Может быть, всё дело в том, что в репликах было немало примет той эпохи, но они нашли отклик у многих зрителей и в итоге сорвали бурные аплодисменты.

Ши Гуан всё это время наблюдал за происходящим из-за кулис. В своё время Ма Кай с товарищами тоже выступали с этим номером; говорили, что в итоге права на этот сценарий выкупила одна кинокомпания, снявшая по нему фильм, который собрал неплохую кассу. Тогда он сопровождал Тянь Сыюй и посмотреть представление было некогда, но теперь, глядя на всё со стороны и вникая в детали, он отметил: пусть по сравнению с тогдашней лентой постановку изменили до неузнаваемости, этот более простой и чистый способ выражения чувств казался куда более трогательным.

Стоило Ма Каю и остальным сойти со сцены, как Ши Гуан одарил каждого из них крепким дружеским объятием, однако Ма Кай в ответ отвесил ему смачную оплеуху по груди. Ши Гуан выпятил грудь вперёд и, стрельнув глазами, кокетливо протянул:

— Ну как тебе округлости моей фигурки? Тяну я на стандарт качества?

Не успел замереть звук его голоса, как в зале раздался взрыв смеха, а Ма Кай заодно отвесил ему лёгкий шуточный подзатыльник. Ма Кай подул на собственную ладонь, сдувая несуществующие пылинки:

— Размер впечатляет, техника на высоте — вполне тянешь!

И под новый раскат смеха они принялись наперебой прощаться и расходиться.

Проводив Ма Кая и его компанию взглядом, Ши Гуан столкнулся нос к носу с шедшим навстречу Шан Хуном. Шан Хун был одет в простую и аккуратную одежду, а слегка полинявшая ткань выдавала бережливость и тягу к скромности. Тянь Сыюй шла рядом с ним; похожие наряды и макияж позволяли им с поразительной точностью передать отношения между их будущими персонажами.

Теперь наступала очередь номера Шан Хуна и Тянь Сыюй. Их взгляды встретились — в этом мимолётном пересечении читалось целое море эмоций. Тянь Сыюй смотрела с таким ожесточением, будто сошлись две вражеские армии, и в её взгляде сквозило едва ли не открытое враждебное отношение. Шан Хун казался равнодушным и невозмутимым, но в самом изломе его взгляда скрывалась тень затаённой вины. А вот Ши Гуан, казалось, вовсе не замечал окружающих их злословий и сплетен, улыбаясь так лучезарно, будто весна пришла в его сердце.

Слухи об их треугольнике уже давным-давно расползлись по всему потоку. В этом году решение Тянь Сыюй сменить партнёра было очевиднее некуда, а вдобавок к тому, что Ши Гуан выбрал себе в пару известного на весь курс нелюдима Лоу Чжана, впопыхах родилось бесчисленное множество грязных домыслов.

Ши Гуан кинул Шан Хуну.

Тянь Сыюй бросила Ши Гуана.

Шан Хун и Тянь Сыюй — идеальная пара, а Ши Гуан остался в полном одиночестве.

Ши Гуан вечно слишком задирает нос, даже соседи по комнате от него не в восторге — вы же заметили, что в этот раз Ма Кай с товарищами даже не позвали Ши Гуана?

Никто не захотел вставать в пару с Ши Гуаном, вот ему и пришлось довольствоваться Лоу Чжанем.

Говорят, Тянь Сыюй уже всю расточает обещания взять первое место.

Особенно — бог весть с каких пор — среди студентов вдруг поползли упорные слухи: мол, Ши Гуан, пытаясь добиться Тянь Сыюй, даже бегал мыть ей ноги, посреди ночи засыпал её пошлыми эсэмэсками, караулил у общежития девчонок с раннего утра до поздней ночи и даже грозился убить её, если она откажется с ним встречаться. Бедная Тянь Сыюй, дескать, никак не могла от него отделаться, но из-за нежелания портить товарищеские отношения была вынуждена потакать Ши Гуану.

Хотя бóльшая часть студентов в этот бред не верила, у каждого в душе жила тяга к сплетням. Слухи обрастали всё более нелепыми подробностями, превращаясь в забаву для обсуждения за обедом — чем одиознее, тем лучше.

Ши Гуан все эти дни пропадал на репетициях с Лоу Чжанем, и одного лишь Лоу Чжана хватало, чтобы заставить его голову работать на пределе, — откуда у него было время следить за тем, что болтают вокруг? Когда до него наконец донеслись эти толки, прошло уже немало времени, момент для оправданий был упущен, а из-за гротескной преувеличенности сплетен ему и вовсе стало лень тратить на них силы. Единственное, за что он переживал, — как бы об этом не услышал Лоу Чжань, породив ненужные недоразумения.

К счастью, отношение Лоу Чжана оставалось неизменным.

И это, право слово, одновременно и радовало, и заставляло кусать локти.

Теперь, когда все трое сошлись лицом к лицу, они мгновенно приковали к себе всеобщее внимание. Столкнувшись с «пылкими» взглядами окружающих, Ши Гуан мог лишь выбрать путь примирения враждующих сторон, продемонстрировав подобающие мужчине манеры. Кто же знал, что пока он собирался чинно проследовать по своей широкой дороге, стоявшая на узком мостике Тянь Сыюй закусил губу и произнесла:

— Прости, в этом году я не согласилась...

За что прости?

На что согласилась?

Стоило восстановить в памяти предысторию, как всё сразу встало на свои места.

Со всех сторон тут же донеслись шёпот и злорадные смешки.

Ши Гуан, напротив, на секунду растерялся. Столкнувшись с тем, как Тянь Сыюй белое называет чёрным, он невольно испытал смешанные чувства — ни плакать, ни смеяться. Он лишь легко взмахнул рукой и с улыбкой бросил:

— Ничего страшного, по-моему, так даже лучше. Кто знает, возможно, со сменой партнёров мы оба сможем высвободить куда больше энтузиазма и вдохновения.

Слова звучали так, будто в них не было никакого скрытого подтекста, но стоило вдуматься вглубь — и оттенков смысла обнаруживалось масса. Самым очевидным было то, что Ши Гуану просто надоело выступать с Тянь Сыюй столько раз подряд и ему захотелось свежести. Разумеется, нашлись и те, кто уловил в его тоне лёгкий дух соперничества; в толпе тут же кто-то загорелся предвкушением: назревает знатная битва! Надо срочно, скорее искать хорошее местечко, чтобы наблюдать за представлением вживую!

Столкнувшись с внезапным оживлением в рядах зевак, Ши Гуан мысленно вздохнул. На самом деле он не вкладывал в свои слова никакого особого подтекста. Тянь Сыюй ушла из его мыслей ещё в прошлой жизни, а уж в этой — тем более не собиралась туда возвращаться. То, что он сказал, действительно было сказано без задней мысли и каких-либо вторых дна.

Тянь Сыюй, однако, истолковала всё по-своему: её извилистый ход мыслей совершил замысловатый кульбит, и чужие вполне мирные слова она упрямо услышала как вызов к бою. Одарив его лёгкой, подобной весеннему дождю улыбкой, она захихикала:

— Что ж, будем ждать с нетерпением.

От этой оскомины набивающей фразы скривился даже Шан Хун, до этого в упор пялившийся на грудь, талию и длинные ноги Ши Гуана. Чего уж говорить о самом Ши Гуане, который принял удар на передовой и с трудом подавил мурашки, побежавшие по рукам.

Мда... Огромного желания это не вызывало.

Впрочем, никому не нравится оказываться у кого-то в тени, тем более что это было его первое совместное выступление с Лоу Чжанем, и ему хотелось завершить его безупречно. Если же всё обернется провалом, потом при каждой встрече неизбежно будет неловко.

После слов Тянь Сыюй все трое на мгновение погрузились в задумчивое молчание, пока занавес перед сценой не опустился окончательно. Только тогда Шан Хун, словно очнувшись от оцепенения, резко днул Тянь Сыюй за руку и повёл её к кулисам.

Уходя, Тянь Сыюй обернулась и бросила на Ши Гуана долгий взгляд.

В этих глазах Ши Гуан прочёл открытый вызов.

Освещение на сцене погасло, и одинокий луч прожектора упал на Тянь Сыюй. Слегка согнув спину и потупив взгляд, она держала в руках дешёвую пластиковую сумочку стоимостью от силы юаней десять, с протёртыми углами, от которой веяло тяжёлой, изнуряющей тоской уходящего времени. Она с поразительной точностью воплотила образ задавленной тяготами жизни женщины среднего возраста.

Она остановилась у порога, долго рылась в сумке в поисках ключей, наконец отперла дверь и в самый момент её открытия чуть выпрямила спину, озарив лицо мягкой, материнской улыбкой.

Это была крошечная комната площадью едва ли сорок квадратов, освещённая тусклым жёлтым светом, который, впрочем, тепло согревал каждый угол. Поношенная мебель выдавала бедность семьи, однако в безупречной чистоте и порядке чувствовалось трудолюбие хозяев. В углу комнаты сидел парень — нет, если говорить строго, мужчина: его тело уже полностью сформировалось, руки и ноги были длинными, а вокруг рта пробивался даже редкий пушок, но выражение лица совершенно не походило на взрослого. Скукожившись у стены, он с зажатым в руке острым кухонным ножом неподвижно уставился в одну точку. Послышался звук открывающейся двери; он поднял глаза на мгновение, а затем перевёл взгляд на порог.

Завязка считывалась с первого взгляда: это была история о матери-одиночке и её сыне, страдающем аутизмом.

Подобные темы на университетских праздниках были не редкость, но из-за юного возраста и нехватки жизненного опыта у студентов редко получалось создать достойную работу. Частенько на сцене актеры заливались слезами, в то время как зрители в зале оставались совершенно равнодушными.

Однако номер Тянь Сыюй и Шан Хуна явно был иным. Когда мать-одиночка увидела у сына в руках нож, за мгновение испуга последовала нежная улыбка. Она подошла к мальчику и, как обычно, обняла и поцеловала его, а затем невозмутимо принялась переодеваться, пить воду и чистить овощи. За это время зажатый в руках сына нож бесчисленное количество раз проносился в опасной близости от уязвимых частей её тела, но она, движимая великой материнской любовью, словно не замечала угрозы. И лишь когда она собралась отнести нарезанные овощи на кухню, она как ни в чем не бывало бросила сыну:

— Мама будет резать овощи.

Сын-аутист на секунду замер, опустил глаза на нож и так же спокойно, послушно протянул его матери.

Мать-одиночка крепко сжала рукоять ножа, из последних сил сохраняя спокойствие, спрятала его за спину и улыбнулась сыну уже по-настоящему расслабленной улыбкой.

На этом выступление завершилось. Номер был коротким, но цельным: от возвращения матери домой и вида ножа в руках больного сына до её попыток обуздать себя, сохранить невозмутимость и спокойного возвращения ножа из детских рук — всё это глубоко раскрывало материнскую мудрость и любовь.

Благодаря удачной хореографии движения мальчика, который в любой момент мог поранить себя или мать, заставляли всех в зале затаить дыхание. А когда нож наконец покинул руки аутичного юноши, зрители дружно выдохнули.

Это было невероятно глубокое выступление!

В зале грянули бурные аплодисменты; кое-кто из зрителей, глубоко тронутый прочувствованной материнской любовью в исполнении Тянь Сыюй, даже украдкой утирал влажные глаза.

Тянь Сыюй, которую Шан Хун держал за руку, стояла посреди сцены с сияющей улыбкой — она чувствовала свой успех.

На фоне лавины аплодисментов улыбка Шан Хуна выглядела куда более бледной. Хотя Тянь Сыюй в конце концов выбрала этот сценарий, после бесчисленных правок весь акцент сместился на мать-одиночку, в то время как доверие и привязанность сына-аутиста к матери не были раскрыты вовсе. Он чувствовал, что в этом представлении играл роль едва ли не самого заштатного массовщика.

Взглянув на сияющую улыбку Тянь Сыюй, Шан Хун подумал — да и ладно. Это всего лишь семестровое задание, оно ничего не значит, пусть побудет ради улыбки девушки.

Наблюдая за всем из-за кулис, Ши Гуан тоже проникся тяжелой, как океан, материнской любовью. Его собственная мать умерла, когда он был совсем маленьким, а мачеха после повторного брака отца относилась к нему скверно, так что любые сюжеты о материнской любви неизбежно будили в нём ассоциации: а что, если бы его мама была жива? В прошлой жизни он, какими бы ни были обстоятельства, вряд ли скатился бы до такого дна.

Опомнившись, Ши Гуан почувствовал, что к нему кто-то приближается. Он повернул голову и увидел стоявшего рядом Лоу Чжана в пестрой рубашке, расклешенных брюках и с причёской в стиле семидесятых. Пусть этот старомодный хипповый прикид казался архаичным, в эпоху, когда внешность решала всё, Ши Гуан находил его чертовски крутым! Особенно незастёгнутый до конца воротник, обнажавший широкую полоску кожи здорового медового оттенка, и две алые родинки на шее, которые словно впитали в себя весь окружающий свет — они так и мелькали перед глазами, приковывая взгляд и вызывая у него какое-то необъяснимое обильное слюноотделение.

Конечно, Ши Гуан не был убежденным гомосексуалистом — строго говоря, женщины интересовали его куда больше. Если он и сошелся когда-то с Юй Сянчэнем, то лишь из-за той богемной и безрассудной романтики, что сопутствует искусству. И всё же, то ли из-за опыта прошлых отношений с мужчинами, то ли по какой-то иной причине, он прекрасно осознавал, что его нынешние мысли о Лоу Чжане были далеко не платоническими. Желание присосаться к могущественным связям Лоу Чжана не ограничивалось ролью верного младшего брата на побегушках — он жаждал, чтобы Лоу Чжань взял его под своё крыло в самом пикантном смысле.

Казалось бы, что может быть охуеннее перспективы, когда властный, крутой и безбашенный киношный царёк держит при себе мелкую сошку из шоу-бизнеса? Ещё лучше, если бы они без повода устраивали битвы на восемьсот раундов; стоило бы ему хоть чуть-чуть заглядеться на кого-то другого, как его тут же валили бы на лопатки и устраивали битву на восемьсот раундов; стоило бы чуток поупражняться в кокетстве — и снова битва на восемьсот раундов, а потом принятие ванны и оттирание опухшей задницы... Только такая помешанная жизнь и могла полностью удовлетворить его аппетиты.

Взгляд Ши Гуана был донельзя откровенным. И как раз в тот момент, когда Лоу Чжань от неприятного ощущения уже собирался нахмуриться, Тянь Сыюй и Шан Хун как раз сошли со сцены. Шагавшая впереди женщина вскинула подбородок с горделивой осанкой королевы, её взгляд легонько скользнул по Ши Гуану, тронув губы едва заметной, многозначительной улыбкой.

Объявление номеров подошло к концу, и Ши Гуан, Лоу Чжань вместе с двумя помощниками поднялись на сцену.

— Сначала переоденься, я посмотрю. — Тянь Сыюй стерла с лица улыбку и задумчиво проводила взглядом спину Ши Гуана.

Шан Хун не произнес ни слова и с места не сдвинулся.

Видя, что тот не уходит, Тянь Сыюй как бы невзначай обронила:

— Я слышала, их номер — о том, как два мужика добиваются одной женщины. Довольно избито. Как ни крути, вся изюминка там держится исключительно на Ши Гуане. Впрочем, нынче кроссдрессинг сплошь и рядом, я прямо-таки переживаю за них.

Шан Хун невольно поморщился от манерных речей и мимики Тянь Сыюй. Поразмыслив как следует, он понял: такие создания, как богини, пожалуй, должны обитать исключительно на пьедестале, чтобы вызывать восхищение, но стоило им сойти в мир смертных, как они оказывались настолько чужеродными, что понять ход их мыслей становилось решительно невозможно. Едва ли пару месяцев общения с Тянь Сыюй хватило, чтобы он почувствовал себя истощённым и телом, и душой.

Отпустить?

Жалко.

Удержать?

Тяжело.

Взгляд Шан Хуна замер на той самой «богине» на сцене, которая из-за женского платья казалась особенно крепкой и плечистой. Почему-то оторвать глаза и перевести их на собственную девушку он никак не мог.

Тянь Сыюй исподтишка покосилась на то, как Шан Хун в упор «пялится» на Ши Гуана, пригладила прядь волос, усмехнулась и больше ничего не сказала.

На сцене в самый центр выкатили задник. Под зазвучавшую из колонок заглавную мелодию гремевшей на всю страну программы знакомств из-за декораций показались две пары ног. Слева — стройные, изящные ноги в белых туфлях на семисантиметровых каблуках и прозрачных капроновых чулках, которые эффектно переливались в лучах прожекторов; жёлтое платье едва прикрывало самые корни бёдер. Справа же красовались широкие белые клешши, чье ритмичное покачивание при ходьбе источало дух Элвиса Пресли из семидесятых.

Вскоре оба участника вышли из-за ширмы. Под простую, но слаженную музыку в стиле семидесятых они затанцевали, и этот старомодный танец с нелепыми нарядами в мгновение ока стёр тяжёлый осадок от предыдущего номера.

Стоило в зале раздаться первому смешку, как лицо Тянь Сыюй самую малость помрачнело, но тут же уголки её губ дрогнули в улыбке. Кроссдрессинг Ши Гуана и хипповый прикид Лоу Чжана на фоне прежних образов неизбежно должны были сорвать такую волну аплодисментов.

Музыка стихла, танцоры замерли и двинулись навстречу друг другу. Они столкнулись посреди суетливой улицы; в густой толпе их взгляды сцепились, переплелись, а искра любви с первого взгляда вспыхнула подобно сушняку от искры, заполняя сердце образом другого. В ту же секунду зазвучали зажигательные аккорды «Жаркой пустыни».

Танец возобновился.

Пусть движения были преувеличенными, но на редкость слаженными — они мгновенно приковали всеобщее внимание. Глядя на заразительную улыбку Ши Гуана и похабное выражение физиономии Лоу Чжана, зрители невольно расплывались в улыбках, а кое-кто уже открыто хохотал.

Тянь Сыюй приподняла бровь и с недоумением бросила:

— Смешно?

Шан Хун, улыбаясь краешком рта и глядя на то, как Ши Гуан с трудом вытанцовывает на семисантиметровых каблуках, машинально кивнул:

— Нормально, очень занятно.

Тянь Сыюй поджала губы, но развивать тему не стала.

Однако стоило зрителям решить, что сейчас герои заговорят и превратятся в парочку комичных чудиков, как раздался громкий шлепок. Музыка резко оборвалась, и голову Лоу Чжана от удара отбросило в сторону.

Ши Гуан прижал руку к груди, высоко задрал подбородок и ледяным тоном бросил:

— Хам!

Мужественный голос без попыток изобразить фальшивый писк заставил Лоу Чжана ошарашенно схватиться за щеку и взреветь:

— Трансвестит!

Зал покотился со смеху; Шан Хун прикрыл рот рукой, тоже улыбаясь, а Тянь Сяй украдкой движением закатила глаза раз этак сто.

Влюбившиеся с первого взгляда на улице герои расстались на минорной ноте, но не успели оглянуться, как столкнулись в кафе, с удивлением обнаружив, что назначены друг другу на свидание вслепую.

Этот сюжетный поворот в стиле бог весть чего легко наводил на мысли о дальнейшей штампованной мелодраме, но главный удар ждал зрителей именно сейчас. Вновь встретившись лицом к лицу, оба застыли на месте. Раздался звук разбивающегося сердца; простояв неподвижно секунд с десятков, Лоу Чжань вдруг с диким криком бросился рвать на себе волосы и взвыл:

— Трансвестит~~~~ Матушка моя, родная матушка! Ты мне родная мать или нет?! Ты же хочешь оставить сына без потомства! — с этими словами Лоу Чжань яростно раздвинул ноги Ши Гуана, задрал обтягивающую короткую юбку и уткнулся лицом прямо туда...

— Ха-ха-ха-ха... — Зал взорвался хохотом, девчонки завизжали, кто-то даже свистнул.

Впрочем, в следующую секунду Лоу Чжань поднял голову, и застывшее тело Ши Гуана ожило. Его невозмутимое лицо мгновенно дало зрителям понять: все те истошные вопли и безумные телодвижения происходили лишь в воображении Лоу Чжана.

Ши Гуан с царственным видом спросил:

— Не хочешь сначала представиться?

Лоу Чжань равнодушно бросил:

— У меня есть квартира, машина и сбережения. Пусть постоянной работы нет, но вон то здание напротив — место, где я заседаю в офисе.

Лицо Ши Гуана перекосило. Мгновенно сбросив маску холодного высокомерия, он переключился на подобострастие: его фальшивая улыбка стала слаще мёда, а стул заскользил ближе к Лоу Чжаню, притираясь с ласковостью послушной овечки.

Однако Лоу Чжань, вдоволь насладившись чужим теплом и нежностью, добавил:

— Квартира — это общежитие для сотрудников, машина — велосипед, сбережений целых две тысячи, а заседаю я в том здании в качестве офисного мальчишки на побегушках.

Дзынь!

Сердце раскололось на куски!

Ши Гуан подорвался с места, праведно гневаясь, ткнул пальцем в нос Лоу Чжаню и взвизгнул:

— Старуха штаны уже сняла, а ты мне вот это задвигаешь?!

Зал снова покатился со смеха. Шан Хун уже держался за живот от хохота, а Тянь Сыюй едва не стерла в крошево коренные зубы.

Дальше пошла череда диалогов, разбитых сердец и бесконечных пикировок, пока всё не завершилось кульминацией: Лоу Чжань, осознав, что Ши Гуан — самая настоящая богиня, рухнул на колени в слезах и соплях. Номер идеальным образом завершился на пике эмоций.

Самое простое свидание вслепую, благодаря нестандартному ходу с взаимными подколками, сорвало овации всего зала. Кто-то даже орал из партера:

— Богиня, соглашайся!

Цокая семисантиметровыми каблуками и волоча за собой вцепившегося в его ногу Лоу Чжана, Ши Гуан с трудом помахал рукой зрителям и протащил напарника за кулисы.

В зале снова поднялся шум.

Ведущий вечера прикрыл рот рукой, вышел в центр сцены и, едва сдерживая смех, произнёс:

— Думаю, Ши Гуана и Лоу Чжана представлять никому не нужно. На этот раз они пошли на поистине колоссальные жертвы — надеемся, вы об этом не пожалеете. Особенно наш младший товарищ Лоу: слышали звук разбитого стеклянного сердца? Девушки в зале наверняка горько плачут.

К тому моменту Лоу Чжань с абсолютно каменным лицом разжал руки на ноге Ши Гуана и поднялся на ноги. Не успел Ши Гуан обрести свободу, как в ту же секунду «топ-топ-топ» пропустил обратно на сцену, выхватил у ведущего микрофон и во всю мочь завопил:

— Чего вы там разбиваете?! Лоу Чжань — мой!

Подобные шутки никто не принимал всерьёз, они лишь вызвали новую волну гомерического

хохота, под которую Ши Гуан с победным видом удрал за кулисы.

Смех ещё не утих, а четвёрка за кулисами уже сошлась в очном противостоянии. В зале в этот момент кто-то завёл дружный скандирующий клич:

— Вместе! Вместе! Вместе...

Тянь Сыюй растянула губы в лучезарной улыбке и произнесла:

— Отличный номерок.

— Нормально.

<http://bllate.org/book/25613/3054540>